

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № АПЛ18-143

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

10 мая 2018 г.

Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего
членов коллегии

Манохиной Г.В.,
Зайцева В.Ю.,
Ситникова Ю.В.

при секретаре

Горбачевой Е.А.

рассмотрела в открытом судебном заседании административное дело по административным исковым заявлениям Шашко Надежды Олеговны, Комарова Дмитрия Юрьевича, Митронова Вадима Константиновича, Шаповалова Игоря Вячеславовича, Пуляева Александра Сергеевича, Белой Галины Васильевны, Фокина Анатолия Анатольевича о признании частично недействующими пункта 15.1, подпункта «е» пункта 15.2 приложения № 1 к приказу Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства финансов Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Федеральной миграционной службы, Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных,

криминалистических и розыскных учётов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации» от 12 февраля 2014 г. № 89дсп/19дсп/73дсп/1адсп/113дсп/108дсп/75дсп/93дсп/19дсп/324дсп/133дсп/63дсп/14/95дсп

по апелляционной жалобе Шашко Н.О., Комарова Д.Ю., Митронова В.К., Шаповалова И.В., Пуляева А.С., Белой Г.В., Фокина А.А., поданной их представителем Пимоновым В.А., на решение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2018 г., которым в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Манохиной Г.В., объяснения представителя административных истцов Пимонова В.А., поддержавшего доводы апелляционной жалобы, возражения против доводов апелляционной жалобы представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации Кайперта С.К., Рогожиной Н.Л., Министерства юстиции Российской Федерации Кайгородова А.А., Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации Шевелева Ю.А., Федеральной службы безопасности Российской Федерации Ковалевского И.И., Министерства финансов Российской Федерации Шиляева А.П., Службы внешней разведки Российской Федерации Кутафина С.С., Федеральной таможенной службы Маметовой И.Р., Следственного комитета Российской Федерации Широковой Е.В., Министерства обороны Российской Федерации Ильина А.В., Генеральной прокуратуры Российской Федерации Мухиной О.В.,

Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Министерство внутренних дел Российской Федерации совместно с Министерством юстиции Российской Федерации, Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерством финансов Российской Федерации, Министерством обороны Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой охраны Российской Федерации, Службой внешней разведки Российской Федерации, Федеральной таможенной службой, Федеральной миграционной службой, Государственной фельдъегерской службой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации приказом от 12 февраля 2014 г. № 89дсп/19дсп/73дсп/1адсп/113дсп/108дсп/75дсп/93дсп/19 дсп/324дсп/133дсп/63дсп/14/95дсп утвердило Наставление по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учётов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации (далее – Наставление).

Нормативный правовой акт зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 21 марта 2014 г., регистрационный номер 31681; имеет гриф «для служебного пользования», поскольку содержит служебную информацию, определяющую основы организации и тактики проведения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, оперативно-технических мероприятий, а также информацию, относящуюся к раскрытию и расследованию преступлений; официально опубликованию не подлежал, как акт, содержащий сведения конфиденциального характера (подтверждено вступившим в законную силу решением Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2014 г. по делу №АКПИ 14-790).

Приложение № 1 к Наставлению содержит Правила формирования, ведения и использования учёта лиц, подвергшихся уголовному преследованию, в том числе привлечённых к уголовной ответственности, осуждённых, реабилитированных, в отношении которых установлен административный надзор, а также граждан, совершивших административные правонарушения и привлекавшихся к административной ответственности за их совершение (далее – Правила).

В силу пункта 15.1 Правил в пофамильных учётах ГИАЦ МВД России и ИЦ учётные документы хранятся независимо от снятия и погашения судимости.

Подпункт «е» пункта 15.2 Правил определяет, что в пофамильных картотеках учётные алфавитные карточки формы 1, учётные алфавитные карточки формы 1-б хранятся на лиц, привлекавшихся в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, уголовные дела (уголовное преследование) в отношении которых прекращены на стадии предварительного следствия, на основании акта об амнистии или помилования, в связи со смертью обвиняемого, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи с примирением сторон (за исключением дел частного обвинения), в связи с деятельным раскаянием или принятием федерального закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, а также лиц, осуждённых (при наличии вступившего в законную силу приговора суда) за преступления, которые впоследствии были декриминализированы – до достижения ими 80-летнего возраста.

Граждане Шашко Н.О., Комаров Д.Ю., Митронов В.К., Шаповалов И.В., Пуляев А.С., Белая Г.В., Фокин А.А. обратились в Верховный Суд Российской Федерации с указанными выше административными исковыми заявлениями (определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. объединены в одно производство для совместного рассмотрения), ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат части 2 статьи 15, статье 19, части 1 статьи 23, части 1 статьи 37, части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, частям 5, 6 и 7 статьи 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее также – Закон о персональных данных), пунктам 31 и 39 части 1 статьи 12, частям 1, 2, пункту 2 части 3 и части 8 статьи 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее также – Закон о

полиции), подпункту 9 пункта 1 статьи 127 и абзацу третьему пункта 1 статьи 146 Семейного кодекса Российской Федерации, абзацу третьему части 2 статьи 331, статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, пункту 4 статьи 22¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и нарушают их право на неприкосновенность частной жизни.

В обоснование заявленных требований административные истцы указали, что обращались в органы внутренних дел с целью получения справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, в полученных документах содержались сведения об осуществлении в отношении их уголовного преследования, о привлечении к уголовной ответственности, в том числе за преступления, которые впоследствии декриминализированы до вступления приговора в законную силу, был применен акт об амнистии, освобождающий от наказания.

Административные истцы полагают, что: хранение таких сведений (без перевода в архивные фонды автоматизированных оперативно-справочных картотек) нарушает их права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; не соответствует целям обработки персональных данных, создаёт препятствия для реализации их прав в будущем до достижения 80-летнего возраста; определение сроков хранения и обработки персональных данных отнесено к исключительной компетенции законодателя, а не органов исполнительной власти; подпункт «е» пункта 15.2 Правил является неопределённым, так как использованы неоднозначные формулировки для определения категорий лиц, сведения об уголовном преследовании которых хранятся в активном состоянии на пофамильном учёте; имеется неопределённость используемой в этой правовой норме формулировки «на лиц, привлекавшихся в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, уголовные дела (уголовное преследование) в отношении которых прекращены на стадии предварительного следствия, на основании акта об амнистии или помилования, в связи со смертью обвиняемого, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи с примирением сторон (за исключением дел частного обвинения), в связи с деятельным раскаянием или принятием федерального закона, устранивающего преступность или наказуемость деяния».

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2018 г. в удовлетворении административного искового заявления Шашко Н.О., Комарова Д.Ю., Митронова В.К., Шаповалова И.В., Пуляева А.С., Белой Г.В., Фокина А.А. отказано.

В апелляционной жалобе, поданной представителем Пимоновым В.А., административные истцы, не соглашаясь с решением суда, просят его отменить в связи с неправильным применением норм процессуального и материального права, а также несоответствием выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам административного дела. В частности, административные истцы указывают, что установление возрастного критерия

«достижение лицом 80-летнего возраста» для перевода учётных документов об этом лице в архивные фонды автоматизированных оперативно-справочных картотек создаёт неравные условия для граждан разного возраста, обращающихся за справками о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования; сроки хранения и обработки персональных данных, в том числе сведений о судимости, должны определяться исключительно федеральным законом, а не подзаконным правовым актом; суд не разрешил ходатайства, содержащиеся в административных исковых заявлениях Пуляева А.С., Белой Г.В., Фокина А.А. о привлечении к участию в административном деле специалиста в области лингвистики; суд не проверил законность принятия оспариваемого в части нормативного правового акта, а также точность и правомерность содержащихся в нём формулировок относительно определения перечня категорий лиц, сведения об уголовном преследовании которых хранятся в активном состоянии на пофамильном учёте.

В судебное заседание Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации не явились представитель Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и представитель Федеральной службы охраны Российской Федерации, о времени и месте судебного разбирательства извещены в установленном законом порядке.

Проверив материалы административного дела, обсудив доводы апелляционной жалобы и возражений на неё административных ответчиков, Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оснований для её удовлетворения не находит.

На основании пункта 3 части 8 статьи 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации суд при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта выясняет соответствие этого акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции пришёл к правильному выводу о том, что Наставления приняты упомянутыми выше органами исполнительной власти в пределах предоставленных им полномочий, прошли государственную регистрацию, как акт, содержащий сведения конфиденциального характера не подлежали опубликованию; пункт 15.1, подпункт «е» пункта 15.2 приложения № 1 соответствуют нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, регулирующим рассматриваемые правоотношения.

Право полиции обрабатывать данные о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на неё обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных, предусмотрено частью 1 статьи 17 Закона о полиции.

Частью 3 этой же статьи предусмотрен перечень накапливаемой в банках данных информации о гражданах.

Перечень сведений не является закрытым и может быть дополнен информацией, необходимой для выполнения полицией возложенных на неё обязанностей.

Приведённая выше норма закона, регламентируя формирование и ведение банков данных о гражданах, определяет, что полиция обеспечивает защиту информации, содержащейся в банках данных, от неправомерного и случайного доступа, уничтожения, копирования, распространения и иных неправомерных действий; информация, содержащаяся в банках данных, предоставляется государственным органам и их должностным лицам только в случаях, предусмотренных федеральным законом; правоохранительным органам иностранных государств и международным полицейским организациям — в соответствии с международными договорами Российской Федерации; полиция обязана обеспечить гражданину возможность ознакомления в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, с содержащейся в банках данных информацией, непосредственно затрагивающей его права и свободы; обработка персональных данных осуществляется в соответствии с требованиями, установленными законодательством Российской Федерации в области персональных данных; персональные данные, содержащиеся в банках данных, подлежат уничтожению по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей (части 4–8 статьи 17 Закона о полиции).

Регулируя отношения, связанные с обработкой персональных данных, осуществляемой федеральными органами государственной власти, Закон о персональных данных устанавливает, что обработка этих данных должна осуществляться на законной и справедливой основе. Хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных, не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных, если срок хранения персональных данных не установлен федеральным законом, договором, стороной которого, выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных. Обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом (части 1, 7 статьи 5).

В соответствии с частью 5 приведённой статьи содержание и объём обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки.

Обработка персональных данных необходима для установления или осуществления прав субъекта персональных данных или третьих лиц, а равно и в связи с осуществлением правосудия; обработка персональных данных осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, об исполнительном производстве, уголовно-исполнительным

законодательством Российской Федерации; обработка полученных в установленных законодательством Российской Федерации случаях персональных данных осуществляется органами прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора (пункты 6, 7 и 7¹ статьи 10 Закона о персональных данных).

Пунктом 33 части 1 статьи 13 Закона о полиции для выполнения возложенных на неё обязанностей ей предоставлено право формировать, вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, розыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах; использовать банки данных других государственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, если федеральным законом не установлено иное.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них данным Федеральным законом, могут создавать и использовать информационные системы (статья 10); результаты оперативно-розыскной деятельности могут направляться в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц (статья 11).

Необходимость обработки персональных данных граждан, связанных с фактами уголовного преследования, обусловлена в том числе положениями статьи 65 Трудового кодекса Российской Федерации и корреспондирующей статьёй 331 этого же кодекса, абзацем третьим части 2 которой предусмотрено, что к педагогической деятельности не допускаются лица, подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 данной статьи.

Кроме того, в силу подпункта «к» пункта 1 статьи 22¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» МВД России обязано предоставить физическому лицу, регистрируемому в качестве индивидуального предпринимателя, справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, если данное физическое лицо намерено осуществлять определённые виды предпринимательской деятельности в сфере

образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации. Указанный документ представляется МВД России по межведомственному запросу регистрирующего органа в порядке и сроки, которые установлены Правительством Российской Федерации.

При таких данных суд первой инстанции правильно исходил из того, что предусмотренная оспоренными правовыми нормами обработка персональных данных соответствует достижению конкретных, заранее определённых и законных целей; каким-либо нормативным правовым актам большей юридической силы оспариваемые положения не противоречат, следовательно, прав административных истцов не нарушают.

В силу приведённых законоположений обработка персональных данных, содержащих информацию о лицах, подвергавшихся уголовному преследованию, включая их хранение для определённых и законных целей, осуществляется на законной и справедливой основе, обеспечивает точность персональных данных, их достаточность, актуальность по отношению к целям обработки персональных данных, поэтому соответствует принципам, закреплённым статьёй 5 Закона о персональных данных, статьёй 5 Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г., ратифицированной Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ, а также требованиям части 7 статьи 17 Закона о полиции.

На основании статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные данным кодексом, связанные с судимостью. Это положение Кодекса не регламентирует вопросы, касающиеся порядка учёта и хранения информации о лицах, осуждённых за совершение преступлений и имевших судимость (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2011 г. № 330-О-О).

Предусмотренное пунктом 15.1 Правил хранение учётных документов независимо от снятия и погашения судимости не может рассматриваться как юридическое последствие судимости и ограничение прав лиц, ранее имевших судимость, поскольку оспариваемый в части правовой акт имеет иной предмет правового регулирования, связанный с формированием статистической отчётности.

Централизованные учёты, как это следует из приведённого выше законодательства в рассматриваемой сфере, предназначены для информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и других федеральных органов государственной власти по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, в том числе для подтверждения наличия (отсутствия) сведений о привлечении лица к уголовной ответственности, судимости, реабилитации, времени и месте отбывания наказания. Для поиска информации о наличии (отсутствии)

неснятых или непогашенных судимостей по учётам МВД России необходим полный комплекс установочных данных, позволяющих в том числе достоверно установить как факт наличия (отсутствия) неснятых или непогашенных судимостей, так и факт того, что эти сведения относятся именно к конкретному лицу.

Доводы административных истцов о том, что требования подпункта «е» пункта 15.2 Правил о хранении в пофамильных картотеках учётных документов на осуждённых (при наличии вступившего в законную силу приговора суда) за преступления, которые впоследствии были декриминализированы, противоречат части 3 статьи 17 Закона о полиции, судом первой инстанции проверялись и правильно признаны несостоятельными, поскольку на время вынесения обвинительного приговора суда лицо считалось осуждённым за совершение преступления; изменение уголовного законодательства, которым преступление, совершённое конкретным лицом, было декриминализировано, не означает, что информация о таких лицах и фактах уголовного преследования не подлежит хранению.

Изменение уголовного законодательства, которым преступление, совершённое конкретным лицом, было декриминализировано не означает, что информация о таких лицах и фактах уголовного преследования, привлечения к уголовной ответственности подлежит уничтожению (решение Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № АКПИ15-1051).

Согласно части 8 статьи 17 Закона о полиции персональные данные, содержащиеся в банках данных, подлежат уничтожению по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей.

Вопреки утверждениям административных истцов в апелляционной жалобе указание в справке сведений о факте прекращения уголовного преследования на территории Российской Федерации, в том числе в связи с изменением обстановки, решение о котором согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-П, не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность лица в совершении преступления, не противоречит действующему законодательству и само по себе не ограничивает право на труд и (или) осуществление предпринимательской деятельности.

Наличие в справке информации о факте прекращения уголовного преследования по основаниям, которые на время решения вопроса о приёме на работу либо регистрации в качестве индивидуального предпринимателя не предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законом, само по себе не влечёт неблагоприятных последствий.

При этом решение об отказе в допуске к трудовой или предпринимательской деятельности, в том числе не учитывающее новый уголовный закон, устранивший или смягчающий уголовную ответственность, или изменение уголовно-процессуального законодательства, во всех случаях принимается работодателем либо иным органом, осуществляющим допуск

указанных лиц к трудовой или предпринимательской деятельности определённого вида, и может быть оспорено в судебном порядке.

Доводы в апелляционной жалобе о незаконности предусмотренного в подпункте «е» пункта 15.2 Правил срока хранения в пофамильных картотеках учётных алфавитных карточек на определённые категории лиц до достижения ими 80-летнего возраста несостоятельны, поскольку какому-либо нормативному правовому акту большей юридической силы это положение не противоречит.

Ни Семейный кодекс Российской Федерации, ни Трудовой кодекс Российской Федерации, ни Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» не содержит норм, регламентирующих сроки хранения учётных документов на лиц, подвергшихся уголовному преследованию.

Доводы в апелляционной жалобе о нарушении права равенства применением оспариваемых положений несостоятельны. Как неоднократно подчёркивал Конституционный Суд Российской Федерации, предусмотренный статьёй 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства, закреплённый в статье 19 (части 1, 2) Конституции Российской Федерации, не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования труда (прохождения службы) устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям (в том числе вводить правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности), если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям. Такие различия, основанные на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определённой работой, не считаются дискриминацией (в частности, определение от 3 октября 2002 г. № 233-О).

В соответствии с частью 1 статьи 23 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» федеральные органы государственной власти, иные государственные органы Российской Федерации разрабатывают и утверждают перечни документов, образующихся в процессе их деятельности, а также в процессе деятельности подведомственных им организаций, с указанием сроков их хранения по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере архивного дела и делопроизводства.

Согласно части 1 статьи 21¹ указанного закона сроки хранения архивных документов устанавливаются федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также перечнями документов, предусмотренных частью 3 статьи 6 и частями 1 и 1¹ статьи 23 данного закона.

Таким образом, МВД России, а также другие федеральные органы власти, участвовавшие в разработке оспариваемых в части Наставлений, вправе были определить перечень и сроки хранения служебных документов, образующихся в процессе их деятельности, что не противоречит положениям Закона о персональных данных.

Ссылки в апелляционной жалобе о том, что сроки хранения учётных данных должны соответствовать срокам погашения или снятия судимости, не основаны на законе. Предусмотренные в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовно-правовые последствия судимости как уголовно-правового средства, направленного на обеспечение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в сфере уголовно-правовых отношений, служат для достижения конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осуждённого, предупреждения новых преступлений; предусмотренные в Уголовном кодексе Российской Федерации уголовно-правовые последствия судимости не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения указанных целей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П и от 10 октября 2013 г. № 20-П).

Следовательно, цели хранения и обработки информации не связаны с правовыми последствиями судимости, а необходимость хранения и обработки информации о лицах, осуждённых за совершённые преступления, не может рассматриваться как юридическое последствие судимости.

Довод в апелляционной жалобе о неопределенности формулировки подпункта «е» пункта 15.2 Правил судом первой инстанции проверялся и правильно был признан несостоятельным, поскольку предусмотренные данной правовой нормой требования о хранении учётных документов на лиц, привлекавшихся в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, уголовные дела (уголовное преследование) в отношении которых прекращены на стадии предварительного следствия, на основании акта об амнистии или помилования, в связи со смертью обвиняемого, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи с примирением сторон (за исключением дел частного обвинения), в связи с деятельным раскаянием или принятием федерального закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, соответствуют положениям статей 24, 25, 27, 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Указание в апелляционной жалобе на то, что суд первой инстанции не разрешил ходатайство Пуляева А.С., Белой Г.В., Фокина А.А. о привлечении по административному делу специалиста в области лингвистики, противоречит материалам дела. Как следует из протокола судебного заседания (л.д. 78 т. 2), ходатайство представителя административных истцов Пимонова В.А., участвовавшего в судебном заседании, о вызове в судебное заседание специалиста в области лингвистики было рассмотрено судом первой инстанции и оставлено без удовлетворения в связи с тем, что к материалам дела приобщено лингвистическое заключение специалиста от 14 марта 2017 г., которое впоследствии получило надлежащую оценку в обжалуемом решении суда. Также административный истец Пуляев А.С. лично участвовал в судебном заседании суда первой инстанции и о нарушении прав нерассмотрением какого-либо своего ходатайства не заявлял.

Вопреки утверждению в апелляционной жалобе выводы суда первой инстанции основаны на нормах материального права, проанализированных в решении, и соответствуют обстоятельствам административного дела.

Установив, что оспоренные положения Наставления не противоречат федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, прав, свобод и законных интересов административных истцов не нарушают, суд первой инстанции правомерно, на основании пункта 2 части 2 статьи 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, принял решение отказать в удовлетворении административного иска.

Обжалованное решение суда первой инстанции вынесено в соответствии с нормами материального и процессуального права.

Оснований, предусмотренных законом для отмены решения суда в апелляционном порядке, не имеется.

Руководствуясь статьями 308–311 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2018 г. оставить без изменения, апелляционную жалобу Шашко Надежды Олеговны, Комарова Дмитрия Юрьевича, Митронова Вадима Константиновича, Шаповалова Игоря Вячеславовича, Пуляева Александра Сергеевича, Белой Галины Васильевны, Фокина Анатолия Анатольевича – без удовлетворения.

Председательствующий

Г.В. Манохина

Члены коллегии

В.Ю. Зайцев

Ю.В. Ситников